

Александр Скобов

**ТАК КТО ЖЕ ПРИВЕЛ
«БЕЛОЧЕКИСТОВ»?**

**НАБРОСКИ
О НОВОМ АВТОРИТАРИЗМЕ**

Санкт-Петербург 2022

УДК 32
ББК 66.2 (0)
С44

ОГЛАВЛЕНИЕ

Так кто же привел «белочекистов»?	4
Часть I. «Авторитарная модернизация»: больше работай, меньше потребляй.	4
Часть II. Жизнь и смерть «советской модели»	8
Часть III. «Перестройка» как демократическая революция	11
Часть IV. Переворот 1993 года: право и историческая правота	15
Часть V. Переворот 1993 года и «форсированное строительство капитализма»	19
Часть VI. Их выбор	22
Наброски о новом авторитаризме	26
Часть I. После «конца истории».	26
Часть II. Посттоталитарная атомизация	29
Часть III. Трудности переходного возраста.	33
Часть IV. Постиндустриальная архаика	36

ТАК КТО ЖЕ ПРИВЕЛ «БЕЛОЧЕКИСТОВ»?

Каспаров.Ру, 02.04.2019

Часть I. «Авторитарная модернизация»: больше работай, меньше потребляй

Развитие рыночных отношений в огромной степени способствовало процессу эмансипации личности

После обстоятельнейшего цикла публикаций Андрея Илларионова под общим заголовком «Почему и как они придумали Путина?» смешно отрицать, что подполковник Путин был осознанным выбором «либерально-реформаторского» окружения Ельцина. Осознанным выбором в пользу авторитаризма. Причины этого выбора «реформаторской элиты» не являются загадкой точно так же, как нет ничего загадочного в появлении во всех властных структурах многочисленных выходцев из советских спецслужб, открывших для себя незнакомое им раньше фантастическое поле коммерческой деятельности.

Андрей Пионтковский второй десяток лет пытается объяснить либеральной общественности, что «либеральные реформаторы» за ручку привели во власть «православных белочекистов», чтобы они за щедрые чаевые охраняли имущество, нажитое непосильным приватизационным трудом. То есть чтобы они гарантировали неприкосновенность итогов приватизации 90-х. Приватизации несправедливой, часто прямо криминальной и не признанной обществом. Ну а то, что бандитская «крыша» в какой-то момент садится на голову своих нанимателей, так это в криминализованной бизнес-среде обычное дело.

Возможно, этот «новый авторитаризм» представлялся сделавшим выбор в его пользу несколько иначе. Но ведь даже сегодня нашлось немало ветеранов борьбы за «либеральные реформы», заявивших, что не раскаиваются в том своем выборе. Даже сегодня, даже в антипутинской оппозиции находится немало либералов, заявляющих, что бандитская «прихватизация» 90-х была единственным способом быстро построить и запустить механизм капитализма, а пересмотр ее итогов был бы куда большим злом, чем путинщина.

С «практиками великих либеральных реформ» все просто и понятно.

Интереснее теоретики.

Те, кто вольно или невольно подготовил идеологическую базу авторитарного поворота. Те, кто задолго до него к нему призывал или хотя бы только его «прогно-

зирвал». Потому что, пока пожилые интеллектуалы из «прорабов перестройки» меланхолически прогнозировали неизбежность авторитарного периода при переходе от советского тоталитаризма к демократии, молодежавые нефтетрейдеры, родившиеся от соития комсомольских аппаратчиков, гэбни и новорусской братвы, их читали и прочитанное воспринимали как руководство к действию.

Концепция так называемой «авторитарной модернизации» была и остается «любимой игрушкой» значительной части отечественных «праволибералов». Почти в такой же степени, в какой наилюбимейшей игрушкой Ульянова-Ленина была идея «диктатуры пролетариата». Что неудивительно. Ведь ленинская «диктатура пролетариата» — это тоже своего рода разновидность концепции авторитарной модернизации.

Если отвлечься от конкретных разновидностей этой концепции, в ее основе лежит тезис о неизбежности широкомасштабного насилия при проведении любых коренных социальных изменений. Поскольку они не могут не вызывать широкомасштабного сопротивления. С так называемыми «старыми господствующими классами» все понятно. Они теряют доминирующие позиции, а кому это понравится? Но, как правило, коренные социальные изменения сопровождаются весьма болезненными издержками и для «низших классов». Их уровень благосостояния может ощутимо снизиться на достаточно продолжительный период. Даже если этого не происходит (или период падения уровня благосостояния непродолжителен), разрушается привычный уклад жизни, привычная система социальных отношений, разрушаются привычные моральные нормы.

Отсюда напрашивается вывод: если мы хотим быстрого обновления, нужна максимально не связанная ограничениями власть, которая «сломает через колено» старое. Сломает сопротивление не только «отживших господствующих классов», но и столь же реакционного, темного большинства, не способного быстро адаптироваться к новым условиям. Нужна диктатура некоего продвинутого меньшинства модернизаторов-прогрессоров.

В современных общественных науках термин «модернизация» стал широко применяться не как обозначение любых обновлений вообще, а как обозначение исторически конкретного процесса перехода от аграрно-ремесленного (традиционного) общества к обществу индустриальному (быстро прогрессирующему обществу «модерна»). В марксистской схеме смены общественных формаций этот период соответствует периоду перехода от феодализма к капитализму.

Составляющими этого процесса были не только мощные технологические прорывы, но и качественное углубление разделения труда, а значит, и кардинальный рост значения обмена в экономике, развитие рыночных отношений. Но не просто рыночных. Формировалось крупное промышленное производство, основанное на массовом использовании вольнонаемного труда тех, кто собственных средств производства не имел.

Развитие рыночных отношений в огромной степени способствовало процессу эмансипации личности, ее освобождения от характерного для традиционного общества диктата малых и больших групп (от семьи до сословной корпорации). Рынок размывал сословные перегородки, «выковыривал» индивида из тех ячеек, в которые он был жестко встроен. Но ценой свободы, как всегда, была потеря стабильности. Потеря гарантий.

Массовое отторжение процесса модернизации сегодня модно сводить к приверженности «темной массы» патриархальным, архаическим традициям. И совсем немодно стало вспоминать, в чем состояла главная составляющая процесса т.н. «первоначального накопления». А состояла она вовсе не в накоплении капиталов, необходимых для открытия крупного промышленного производства и внедрения технологических инноваций.

Такие капиталы в позднефеодальном обществе уже были. У английских ленд-лордов, давно и активно занимавшихся коммерческой деятельностью. У крупных купеческих и банковских компаний. Не было другого — армии наемного труда. Не было свободных рабочих рук. Свободных от собственных средств производства. В позднефеодальном обществе подавляющее большинство «непосредственных производителей» было мелкими собственниками своих орудий труда.

Главной составляющей процесса «первоначального накопления» был отрыв значительной части непосредственных производителей от их средств производства. Лишь в меньшей степени — «экономическими» средствами, то есть путем вытеснения их из производства в ходе рыночной конкуренции. Процесс многократно ускорялся средствами «внеэкономического принуждения». Например, массовой экспроприацией английского крестьянства в ходе так называемых «огороживаний». А «кровавое законодательство» против бродяг вынуждало «огороженных» наниматься на мануфактуры на любых, самых невыгодных условиях. Расскажите им про тупое ватно-анчоусное быдло, приверженное патриархальщине и не способное самостоятельно искать счастья на рынке.

Чем это не сталинское «раскрестьянивание»? Сейчас общим местом является тезис о том, что любой серьезный технологический прорыв, любая качественная структурная перестройка экономики, любое ускорение ее развития требует существенного увеличения доли накопления в совокупном продукте. А значит — сокращения доли потребления, хотя бы временного.

Попросту говоря, чтобы через какое-то время все стали жить лучше, какое-то время все должны больше работать и меньше потреблять.

Накоплять капитал, который нужен для внедрения инноваций и всевозможных реконструкций. Ну а макроэкономические условия, вынуждающие людей работать больше, а потреблять меньше, давая возможность будущим инвесторам накапливать капитал, создает, естественно, государство.

Так работали и сталинские «великие стройки». Они ведь и были основаны на принципе «работать больше, а потреблять меньше ради счастья будущих поколений». Сейчас вы должны затянуть пояса и понадрываться на пределе возможностей почти задаром. И тогда ваши дети (или хотя бы внуки) будут жить при... Ладно, не нравится слово «коммунизм», давайте скажем, что при «цивилизации досуга». Когда для полного всеобщего достатка каждому будет достаточно потрудиться 3–4 часа в сутки без особого напряжения.

И таки да, в этом не было ничего нового. Так называемый «промышленный переворот» в Европе сопровождался очень болезненными социальными издержками. В его начале — массовое разорение и обнищание мелких собственников. Чудовищные условия труда и жизни формирующегося из них класса фабрично-заводских рабочих. Понадобилось примерно столетие, чтобы плоды ускорения экономического развития начали им возвращаться и их благосостояние повысилось.

По большей части промышленный переворот происходил (во всяком случае, начинался) в условиях авторитарных политических режимов, при традиционных абсолютных монархиях или диктатурах бонапартистского типа. Даже если существовали первичные формы парламентаризма, большинство исключалось из процесса принятия политических решений при помощи различных избирательных цензов.

Для преодоления патриархальщины, феодальных пережитков и прочей архаики все эти режимы сделали немного. Этот процесс в основном происходил без них и помимо них. Часто даже вопреки им. Притормаживая процесс изживания архаики, консервируя ее, эти режимы обеспечивали старым добуржуазным господствующим элитам максимально комфортные условия встраивания в происходящий помимо их воли процесс модернизации. А все издержки перекладывали на социальные низы.

Их главная функция заключалась в принуждении большинства к согласию с условиями, при которых оно больше работает и меньше потребляет. И тем самым кует «стартовый капитал модернизации», накапливаемый «элитой». И если и можно говорить о модернизаторской роли авторитарной власти, то только в этом смысле. В этом суть всех «авторитарных модернизаций».

Казалось бы, проблемы перехода к индустриальному обществу ушли в прошлое. На дворе постиндустриальная эра. Но идея «авторитарной модернизации» остается «вечно живой». Как Ленин... Потому что на каждом новом витке качественных изменений в экономике мы узнаем, что для ускорения этих изменений нам надо какое-то время поработать побольше, а потреблять поменьше. А в качестве обоснования необходимости «твердой руки» мы слышим старые как мир песни о недостаточной зрелости гражданского общества для управления собой и о неспособности большинства адаптироваться к новым условиям. Самую широкую популярность эти тезисы приобрели среди российских (постсоветских) правых либералов.

Часть II. Жизнь и смерть «советской модели»

Объективная основа смены тренда — смена технологий, новый виток НТР и глобализации

Одним из аргументов тех, кто еще в перестройку прогнозировал неизбежность авторитарного периода после советского тоталитаризма, был тезис о том, что из-за полного отсутствия в СССР частной собственности и свободного рынка в нем не могли сформироваться социальные группы, осознающие свои интересы и способные их самостоятельно отстаивать. Действительно, существовавший в СССР социально-экономический строй был во многом уникален. Его своеобразие заключалось в том, что со времен Египта эпохи пирамид нигде не было такой степени государственствования экономики.

Советская (сталинская) модель экономики, созданная в ходе «Великого перелома» (или, по выражению Солженицына, «Великого перешиба») рубежа 20–30-х годов, просуществовала без существенных изменений до Горбачева. Ее базовые черты — это, во-первых, полная государственная собственность на все, что могло быть использовано в качестве «средств производства». В личной собственности в городе можно было иметь разве что простейший набор столярных инструментов да швейную машинку. Ну или оборудование для любительской фотографии. Вне города — пресловутые «шесть соток» под садоводство или огородик. Правда, номинально существовала еще так называемая «колхозно-кооперативная собственность», но всем было понятно, что это та же государственная собственность, только под другой этикеткой.

Во-вторых, это полная замена рыночной системы распределения экономических ресурсов командно-административной, основанной на так называемом централизованном директивном планировании. Что и сколько производить, у кого брать на это сырье и кому поставлять готовую продукцию, решал не «хозяйствующий субъект» в лице назначенного государством руководства государственного же завода или комбината. Ему это предписывалось в спускаемом из центра плане.

Потребительские товары советские граждане могли по большей части выбирать и покупать сами, но опять-таки почти исключительно у государства. Лишь очень незначительная часть продуктов питания, произведенная в так называемых «приусадебных хозяйствах» колхозников, шла через «колхозные рынки». Кроме того, до самой горбачевской перестройки сохранялись рудименты системы прямого (пайкового) государственного распределения потребительских товаров (от «продуктовых наборов» на предприятиях до периодически частично возвращавшихся то там, то здесь карточек и талонов).

Выбирать работу советские граждане по большей части могли сами, но лишь из предложенных все тем же единственным работодателем — государством. И опять-таки до самой «перестройки» дожили отдельные рудименты системы принудительного распределения рабочей силы, всевозможные ограничения свободы выбора места работы, хотя бы временные. Например, обязанность после окончания вуза определенное количество лет отработать «по распределению». Дожил до перестройки и такой неперемный атрибут советского «рынка труда», как уголовная статья за «тунеядство». Человека, ушедшего с одной работы и не устроившегося на другую в течение нескольких месяцев, могли просто посадить за это в тюрьму.

Я напоминаю эти очевидные для моего поколения вещи потому, что людям, выросшим уже после краха СССР, очень трудно представить себе такие бытовые детали «совковой жизни», настолько они кажутся противоестественными и невозможными. Столь жестко централизованной экономической системы не существовало ни в одной другой стране так называемого «соцлагеря». Любой сателлит СССР из СЭВ и «Варшавского договора» хотя бы в ограниченном объеме допускал и мелкий (а иногда и средний) частный бизнес, и элементы свободнорыночного обмена.

Однако при всей исторической уникальности советской экономической системы, и ее формирование на рубеже 20–30-х годов, и ее стремительный крах в 90-е годы были связаны с общемировыми процессами и тенденциями. XX век — это век повального увлечения экономическим этатизмом и дирижизмом. Нарастивали госсектор, расширяли государственное регулирование рынка (в том числе и прямое, административное) не только осуществлявшие «догоняющую» индустриализацию страны мировой периферии, но и наиболее индустриально развитые страны «ядра», имевшие глубоко укорененную и устоявшуюся либерально-капиталистическую модель. А в 80-е годы мировой тренд повсеместно сменился на противоположный.

Любопытно, что как первая, так и вторая мировая тенденция развития практически не зависела от того, какие политические силы находились у власти. Просто одни доминирующую тенденцию «гнали вперед», другие слегка притормаживали. В Англии 50–60-х годов присутствие государства в экономике расширяли (с разной степенью интенсивности) не только «левые» лейбористы, но и «правые» консерваторы (тори). А в Италии 90-х политику дерегулирования экономики и приватизации госсобственности осуществляло правительство бывших коммунистов, официально отказавшихся к тому времени от «ленинизма». Я это к тому, что есть некие «волны» мирового развития, противостоять которым не в силах никакие партийные идеологии.

Объективная основа смены тренда — смена технологий, новый виток НТР и глобализации, начало перехода от индустриального общества к постиндустриальному (информационному). Технологии «эпохи угля и стали», эпохи заводов-гигантов и стандартизованного конвейерного производства давали крупным «хозяйствующим субъектам» заведомое конкурентное преимущество перед мелкими. Это по-

рождало тенденцию к концентрации и централизации капитала, к формированию гигантских корпораций, монополизировавших целые отрасли. Рост присутствия государства в экономике вполне органично вписывался в эти тенденции.

«Болезни роста» либерального капитализма породили многочисленные попытки предложить ему радикальную альтернативу. И наиболее громкой заявкой на «альтернативный путь» оказался сталинский «мобилизационный проект». Он решительно довел тенденции, проявлявшиеся тогда в капиталистической цивилизации, до логического предела — до полного отрицания и уничтожения любой частной собственности и свободного рынка.

Он оказался чудовищным и исторически несостоятельным. Но какое-то время он почти на равных конкурировал с «западным проектом». Вплоть до того момента, когда на Западе начался переход к постиндустриальному обществу.

Новые технологии информационной эры вернули конкурентоспособность малому и среднему бизнесу. Теперь он мог противостоять корпорациям-гигантам без масштабной государственной поддержки. В этом подоплека охватившей капиталистический мир тенденции к экономической децентрализации. «Социально-ориентированная рыночная экономика» Запада самоскорректировалась, значительно снизила роль государства, но в целом устояла. А вот полностью лишенная гибкости сталинская экономика была обречена.

Менее чем за десятилетие (миг с исторической точки зрения) экономическая модель советского типа исчезла с лица земли. От нее отказались все постсоветские республики, все страны «соцлагеря» и так называемые «страны социалистической ориентации» из третьего мира. Дольше всех цеплявшиеся за эту модель Куба и КНДР тоже потихоньку пятятся к чему-то вроде ленинского НЭПа.

Столь быстрый и повсеместный крах сталинской экономической модели свидетельствует о том, что она оказалась совершенно несовместима с технологиями постиндустриального общества и нынешним уровнем глобализации. А поскольку ни одна страна так и не предложила некий «третий путь» в экономике, принципиально отличный как от капитализма, так и от сталинской тотально государственной и тотально плановой модели, приходится признать, что альтернативы частной собственности и рынку в современном мире просто не существует. На ближайшую историческую перспективу этот вопрос закрыт.

Куда сложнее вопрос о политических режимах.

Политической формой сталинской общественной модели был тоталитарный режим с полной монополией на власть, государственную и общественную деятельность, общественную мысль и информацию правящей группы, организованной в «руководящую и направляющую партию». Любая форма открытой политической конкуренции, открытых проявлений оппозиционности запрещалась, пресекалась и каралась. В СССР этот режим окончательно сформировался в период все того же «Великого перегиба» и дожил без системных изменений до Горбачева.

«Постсталинизм» Хрущева и Брежнева был все тем же сталинизмом, только без массовых произвольных репрессий. Репрессии, конечно, были, но «прицельные» — против тех, кто открыто выражал несогласие.

Общим местом либеральной политической мысли является тезис о том, что монополю государственному, директивно-плановому экономическому базису может соответствовать только такая же политическая надстройка. Действительно, никто не видел страну, в которой такой экономический базис сочетался бы с плюралистической парламентской демократией. Правда, исторический опыт демонстрирует и другое: тоталитарная политическая надстройка может существовать и без сталинского экономического базиса. Так, КНР и Вьетнам успешно восстановили капиталистическую рыночную экономику, но полностью сохранили тоталитарный политический режим.

В остальных странах, перешедших от экономики сталинского типа к экономике рыночной, тоталитарный политический режим не сохранился. Классическая парламентская демократия легко установилась в странах «Варшавского договора» и постсоветских республиках Балтии. В Украине, Молдове, Грузии, Армении, Киргизии началась затяжная борьба демократических и авторитарных тенденций, идущая с переменным успехом. На большей же части «постсоветского пространства» утвердился «гибридный авторитаризм» разной степени жесткости и репрессивности. Но при этом все постсоветские «паханаты» имитируют пусть выхолощенные, пусть декоративные формы политического плюрализма. Имитируют состязательную многопартийность. Даже такая экзотика, как режим Туркменбаши, — это хоть и предельно жесткая, предельно репрессивная, но все же «имитационная демократия». В этой галерее постсоветских республик по степени авторитарности путинская Россия занимает место где-то посерединке.

Чем было обусловлено формирование «гибридного авторитаризма» в постсоветской России и было ли оно неизбежно — об этом заключительная часть.

Часть III. «Перестройка» как демократическая революция

Это «народ из совка» совершил «бархатную революцию» 1991 года

Каспаров.Ру, 04.04.2019

Можно ли из более чем полувекового тотального отсутствия в СССР рынка и частной собственности делать вывод, что он был «традиционным обществом», не прошедшим первичную европейскую модернизацию эпохи становления капитализма? Именно так иногда обосновывают тезис о полном отсутствии в СССР даже зачатков гражданского общества и неизбежности «нового авторитаризма». Удивительным образом сторонники такой точки зрения смыкаются с фанатами «искон-

но-посконного особого пути». Ведь за сентиментальными сказками охранителей о «соборном народе-богоносце» на самом деле всегда стоял брезгливый страх перед собственной страной, представлявшейся им «ледяной пустыней, по которой ходит лихой человек». Этот страх передался и части либералов-западников.

Но СССР отнюдь не был ледяной пустыней или «традиционным обществом». «Большевистский проект» был «модернизационным проектом». Он претендовал на альтернативность «европейской модернизации» и в итоге оказался тупиковым. Но многие общие «первично-модернизационные» задачи он решал и решил. В силу своей авторитарности решил уродливо, однобоко, страшной ценой, но решил.

Да, по степени неограниченности и жестокости насилия над человеком большевистский режим отбросил общество далеко назад. Он возродил массовое использование рабского и крепостного труда, выстроил феодалоподобную иерархическую систему распределения статусов. И в то же время способствовал прогрессивному изменению структуры занятости, урбанизации и связанному с ней переходу к более современным формам быта, массовому образованию, развитию науки. В СССР на протяжении всей его истории существовал настоящий культ науки и образования.

Невероятным образом советскому режиму удавалось до самого конца сочетать людоедский, фактически фашистский культ государственного принуждения с декларированием приверженности классическому набору «прогрессивных гуманистических ценностей». Ценностей, восходящих к Ренессансу и Просвещению. А полностью подконтрольная партии официозная культура прививала советским подданным осуждение ксенофобии, шовинизма, агрессии, угнетения, прославляла борьбу за освобождение и справедливость.

Да, это рождало пресловутую шизофреническую расщепленность сознания советского общества, приучало людей думать одно, говорить другое, а делать третье. Но все же большинство участников перестроечного демократического движения почерпнуло свои представления о свободе, справедливости и гуманизме не столько из западных радиоголосов и самиздата, сколько из советских детских книжек и детских фильмов.

Предперестроечный СССР был страной с преобладающим городским образом жизни, со свойственным «обществу модерна» рациональным, а вовсе не традиционалистским типом сознания. Большинство его граждан было свободно от пут традиционных «малых групп» и самостоятельно определяло свою жизненную стратегию (во всяком случае — в рамках предоставляемого государством выбора). Это было общество с высоким уровнем горизонтальной и вертикальной социальной динамики и с достаточно однородной культурной средой. Тупой «гегемон» («рабочая» с советского завода), интересующийся только винным магазином, — это в значительной степени жупел снобистско-интеллигентского сознания. Между прочим, этот «гегемон» неплохо знал историю и классическую литературу, хотя бы в рамках школьной программы. И он действительно много читал. А в заводских курилках перед Перестройкой обсуждал достоинства парламентаризма и многопартийности.

Предперестроечный СССР был высокоразвитым индустриальным обществом, стоявшим в преддверии перехода к постиндустриальной стадии. На Западе этот переход уже вовсю шел. В СССР началу этого перехода препятствовала окостеневшая сталинская общественная система — и экономическая, и политическая. Но она поддерживалась только принуждением, только государственным насилием. Она везде поддерживалась только государственным насилием. История продемонстрировала многократно: стоит государственному насилию ослабнуть, и общество начинает неотвратно сползать к рынку. Само собой. Советское общество было вполне готово к принятию и рыночной экономики, и политической демократии.

Перед страной в полный рост встала объективная историческая задача ликвидации советской (сталинской) общественной модели, превратившейся в непреодолимое препятствие для дальнейшего развития. Эта историческая задача и была решена в ходе так называемой «Перестройки», явившейся глубокой социальной революцией, которая привела к быстрой смене всего общественного строя.

Между прочим, это «народ из совка» совершил «бархатную революцию» 1991 года. Можно, конечно, говорить, что он оказался статистом в руках борющихся за власть номенклатурных группировок. Но это верно лишь отчасти. Облик революции придают ей те, кто ее делает, а не те, кто ими манипулируют. То, что вышла бархатная революция, а не бессмысленный и беспощадный бунт, — заслуга народа. Верхи-то как раз (как показали дальнейшие события) аллергии на кровь не имели.

Сейчас вообще модно сетовать на то, что «перестроечная революция» была чисто верхушечной. Власть и собственность делили фракции элиты, а низовые общественные движения были не более чем их подтанцовкой. Простые граждане не были самостоятельной силой, не были политически субъектны.

Гражданские движения действительно не стали решающей политической силой. Но это не значит, что они не были политически субъектны. Да, важные политические решения принимались без их участия в чисто номенклатурной среде. Но успех в борьбе элитных группировок обеспечивали именно массовые низовые движения. Элитам приходилось брать на вооружение их лозунги. Хотя бы на уровне риторики. А иногда и не только.

Перестроечное общественное движение, при весьма туманных представлениях об экономических реформах (исторического опыта перехода от totally нерыночной экономики к рынку действительно не было), имело четко осознаваемую его участниками демократическую (именно демократическую, а не либеральную) идеологию и программу в политической сфере. Ее можно свести к следующим пунктам:

1. Свобода слова, собраний, объединений как естественное, неотъемлемое право гражданина. Не должно быть запретных тем и мнений. Власть не должна подавлять силой ненасильственные формы гражданского самовыражения личности. Пожалуй, впервые в истории России право «говорить, что думаешь» было широко востребовано.

2. Верховенство права как намордник на власти. Власть не должна поступать с нами как ей вздумается. Власть должна подчиняться правилам. Власть не должна мухлевать с правилами. Она должна честно соблюдать процедуру. Повальное увлечение процедурными вопросами придавало неповторимый колорит перестроечной общественной жизни.

3. Парламентаризм как народовластие. Через выборные представительные органы простые граждане реализуют свое право не только на участие в принятии решений, но и на каждодневный контроль над исполнительной властью. Постоянные попытки депутатов всех уровней вмешаться в любой мелкий вопрос текущего управления (иногда это принимало несколько комичные формы «ловли блох») — еще одна колоритнейшая черта революционно-перестроечной атмосферы.

4. И наконец — антиимпериализм. Мы не хотим силой удерживать под нашей властью никакие народы. Морально-психологическая атмосфера в стране была такова, что даже самые ярые имперцы-державники клялись в приверженности принципам ненасилия и уважения к праву. Я не забуду полковника Алксниса на трибуне Съезда народных депутатов. В зале бушевал скандал по поводу заявления Литвы о выходе из СССР. И вот этот вынесенный революционной волной на авансцену новый яркий лидер ультраконсервативной партии говорит: «Мы же здесь все цивилизованные люди. Никто не хочет пулеметами и танками удерживать кого-то в нашем государстве против его воли». Заявить публично противоположное казалось совершенно невозможным. Это было бы, как если бы в современной Германии кто-то заявил о любви к Гитлеру и его режиму. Такова была аура Перестройки. Потом она рассеялась, но она была.

Острием своим вся эта идеология и программа была направлена против номенклатурно-бюрократического класса как касты «господ». Нацелена на то, чтобы низвести их до положенного им места «слуг народа» или «наемных менеджеров». Весь пафос перестроечной идеологии заключен в слогане «С нами так больше нельзя!». И ведь действительно, в Перестройку «народ гордость свою из сундуков вынул». Перестройку вполне можно назвать «Революцией Достоинства». ГКЧП встретил массовое сопротивление хотя бы в двух столицах потому, что был воспринят общественным сознанием как унижение этого проснувшегося достоинства. «Они опять с нами так».

Жалкий провал ГКЧП укрепил веру еще очень неокрепшего гражданского общества в собственные силы. Оно как бы доказало, что «с нами все-таки так нельзя». При этом сил реально подчинить себе прекрасно организованную, опытную и ушлую номенклатурную элиту, в которую тогда уже вовсю вливалась «свежая кровь» стремительно наращивающих влияние ОПГ, у общества не было. За это предстояла борьба долгая и тяжелая. В условиях, когда «либеральные экономические реформы» заставляли большинство рядовых граждан думать не столько о контроле над властями, сколько о выживании. И все же некий задел, плацдарм, стартовую позицию в этой борьбе августовская победа обществу дала. Если что, можем повторить...

Между тем эта борьба не замедлила начаться. Освободившийся от имперского «союзного» нароста следующий эшелон номенклатуры совершенно не собирался давать кому-то еще подчинить себя его воле и контролю. Тем более какому-то «обществу», каким-то «гражданам». Рано или поздно номенклатура должна была попробовать общество на вшивость: действительно ли оно «может повторить».

Часть IV. переворот 1993 года: право и историческая правота

Ельцин надругался над самой идеей законности, конституционности, правового государства

Каспаров.Ру, 06.04.2019

В своей заметке, посвященной двадцатипятилетию трагических событиях 93-го года, я воздержался от собственных оценок исторической правоты или неправоты противостоявших друг другу сторон. Я лишь настаивал на чистой формальности: досрочный роспуск парламента при действующей конституции, прямо такой роспуск запрещающей, называется государственным переворотом.

Любопытно, что в посыпавшихся после этого весьма эмоциональных отповедях никто из моих оппонентов этот мой тезис оспаривать не пытался. Все сразу начинали страстно доказывать, что совершенный Ельциным переворот был исторически оправдан. Антитоталитарная, демократическая революция давала Ельцину моральное право насильственно сломать доставшиеся в наследство от тоталитарного режима конституционные рамки и процедуры, мешавшие проведению прогрессивных (либеральных) реформ. Давала право разогнать парламент, ставший средоточием реакционных сил, стремящихся «восстановить во всей красе насквозь прогнивший и только что рухнувший советский режим».

Между прочим, это были те самые депутаты, которые избрали Ельцина своим председателем и ввели специально для него пост президента вопреки колоссальному давлению консервативных сил из «союзного центра». Они сыграли самую активную роль в разгроме ГКЧП и поддержали роспуск советской империи. Они приняли все главные законы, необходимые для рыночных реформ. Никаких принципиально новых законодательных актов, ускоряющих рыночные реформы, после этого не появилось.

Съезд народных депутатов РСФСР вместе с избранным им Верховным Советом никак не может считаться обломком советской системы, доставшимся в наследство новой России. Скорее это революционный Конвент «перестройки». Он был избран в условиях подъема общественной активности на пике волны массового демократического движения.

Многие считают выборы 1990 года наиболее демократичными в истории России. Хватка вездесущих структур КПСС и политической полиции уже безнадежно ослабла, а новая «элита» еще не сформировалась и не взяла политический процесс под свой контроль. Деньги еще не стали решающей силой в политике. Людям, родившимся позже, трудно поверить, насколько «дешевыми» были те выборы.

Те, кто знаком с историей революций, не удивятся резким перегруппировкам социальных и политических сил в ходе их развития. Те, кто действовал сообща на начальном этапе революции, в дальнейшем расходятся и вступают в борьбу друг с другом. Те, кто возглавлял революцию в начале и двигал ее вперед, с какого-то момента начинают препятствовать ее углублению, стремятся революцию остановить и даже частично повернуть вспять. Они хотят закрепить выгоды, полученные ими на предыдущем этапе революции, в то время как новый ее этап начинает этим выгодам угрожать.

Все это, как говорится, естественный процесс. «Марксизм-ленинизм» десятилетиями учил нас, что если сформированный на начальной стадии революции орган народного представительства становится тормозом на пути ее углубления, необходимо без колебаний перешагнуть через этот «вчерашний день революции», не оглядываясь на парламентские формальности. Забавно наблюдать, как сегодня ярые антикоммунисты слово в слово повторяют марксистско-ленинских идеологов.

Я тоже считаю, что насильственный разрыв революцией формально-правовой преемственности может быть исторически оправдан. А может и не быть. В каждой такой ситуации надо разбираться отдельно. И вот как та конкретная ситуация видится мне.

Прежде всего, я уверен, что в 1993 году вопрос о восстановлении советской (сталинской) системы не стоял. Да, в том разношерстном конгломерате оппозиционных Ельцину сил, которые объединились вокруг Верховного Совета, были люди и группы, мечтавшие восстановить сталинскую общественную модель. Такие «советские фундаменталисты». Но даже вместе с черносотенцами-монархистами и откровенными фашистами, с которыми они фактически сомкнулись, они не составляли в антиельцинской оппозиции большинства, ни среди депутатов, ни среди низовых активистов. Что уж говорить об обществе в целом.

Существенную часть антиельцинской оппозиции в 1993 году составляли вчерашние участники и сторонники того широкого общественного («демократического») движения, которое и привело Ельцина к власти. Среди них — вчерашние соратники Ельцина и лидеры «Демократической России». Они резко разошлись с группой Ельцина по вопросу о методах проведения рыночных реформ и по ряду вопросов государственного строительства. Но возврата к советской модели они точно не хотели, ни в экономике, ни в политике.

Ядром той коалиции, на которую опирался Ельцин, был ситуативный союз либеральной интеллигенции, мечтавшей о гражданских свободах, и части советской

партхозноменклатуры, хотевшей приватизации государственной собственности в свою пользу. Сейчас практически все признают, что ведущим, «старшим партнером» в этой коалиции была именно номенклатура. Ведь и сам Ельцин был ее плоть от плоти.

Но и за парламентской оппозицией Ельцину тоже стояли группировки все той же номенклатурной советской элиты. Они и там были «старшими». И они тоже хотели приватизации. Их борьба с группой Ельцина была борьбой за условия приватизации. И им тоже даром был не нужен возврат к сталинской модели.

Борьба «групп интересов» за условия приватизации приняла форму борьбы за контроль над теми, кому это приватизацию предстояло осуществлять. То есть за правительством, за исполнительной властью. Оказавшиеся оттесненными от нее фракции «элиты» выступили под знаменем последовательного парламентаризма, предполагавшего подчинение правительственной бюрократии представительному органу. Сама по себе борьба за распределение власти между исполнительными и представительными органами имела давнюю историю.

Еще в начала XX века основным вопросом политического противостояния в России стал вопрос о допуске представителей «общества» (то есть людей, не принадлежащих к чиновничье-бюрократической касте) к участию в управлении. Когда под давлением революции 1905 года самодержавный режим вынужден был согласиться на создание Думы, главным требованием либеральной оппозиции стало требование «ответственного министерства», то есть такого правительства, которое формируется с согласия парламентского большинства и может быть этим большинством смещено. Но российская бюрократия тут встала стеной, а взять этот последний рубеж на пути к европейской парламентской форме правления у первой русской революции чуть-чуть не хватило напора.

На бумаге СССР был самой парламентской республикой в мире. Выборный представительный орган — Верховный Совет — имел право принять к рассмотрению и решить любой вопрос, в том числе и кадровый, касающийся состава правительства. Естественно, в условиях тотального господства единственной легальной партии это было фикцией. «Советский парламент» был декоративным собранием статистов тщательно подобранных партноменклатурой.

В условиях перестройки вмороженная в тоталитарную ледяную глыбу парламентская государственная структура начала оттаивать, а это грозило чиновникам перспективой оказаться под реальным контролем общества. Это и был самый страшный сон советской номенклатуры. Осознав опасность, она принялась срочно встраивать в Конституцию всевозможные фильтры (введение неуклюжей двухъярусной системы представительных органов, треть неизбираемых союзных депутатов и т. д.), но до конца испортить ее не успела. После Августа 91-го она оказалась один на один с обществом при достаточно открытой и демократичной системе высших государственных органов.

Единственная вещь на свете, которой боится российская бюрократия, — это потеря рычагов административной власти. Пока эти рычаги в ее руках, она всегда исхитрится и обойдет как законодательные, так и бюджетные права парламента. Съезд народных депутатов РСФСР имел конституционное право отправлять министров в отставку. Это значит, что действовавшая Конституция все еще сохраняла возможность установления общественного контроля над чиновничеством. Общество еще не научилось эффективно пользоваться этой возможностью. Но рано или поздно научилось бы.

Ельцин стал предпринимать шаги по выводу правительства из под контроля парламента сразу после Августа 1991 года. Но полностью и надежно избавиться от «парламентской зависимости» без радикального пересмотра Конституции было невозможно. Тогда-то окружение Ельцина и заговорило об устарелости советской Конституции и о нехватке в ней «разделения властей», трактуемого как независимость исполнительной власти от законодательной (как будто в любой парламентской республике или монархии Европы правительство не зависит напрямую от парламента).

Между тем шансов на согласие самого Съезда народных депутатов с существенным перераспределением полномочий в пользу исполнительной власти не было. «Парламентаристский» пафос перестройки еще не был забыт, а «издержки рыночных реформ» заставили перейти в оппозицию многих депутатов, первоначально их поддержавших. Ельцинское правительство спасало лишь то, что процесс формирования партий еще только начинался. Депутатский корпус был очень слабо структурирован, а потому пока неспособен выдвинуть собственную правительственную команду парламента и настоять на ее назначении. Это и породило патовую ситуацию, затянувшуюся более чем на год.

Но в перспективе все же маячило «парламентское министерство». Что и подтолкнуло в конце концов Ельцина к «выходу за рамки правового конституционного поля».

Этот «выход за рамки» вовсе не был продиктован какой-либо чрезвычайной ситуацией. Вялотекущая пикировка «ветвей власти» вполне могла дотянуться до очередных выборов. Кроме того, у Ельцина оставалась возможность «снять» конфликт с парламентом путем формирования правительства, пользующегося доверием депутатского большинства (основой такого правительства мог, например, стать образовавшийся в Верховном Совете «центристский блок» Вольского). Опрокинул ситуацию хрупкого равновесия именно указ №1400 «о досрочном прекращении полномочий». После него благополучный выход из политического кризиса уже вряд ли был возможен, кто бы ни победил.

Мы не можем знать, сумели ли бы сравнительно умеренные руководители Верховного Совета удержать контроль над ситуацией в случае своей победы — или сами были бы быстро сметены поднявшейся мутной волной жадности реванша

и мести. Но сама эта волна была спровоцирована антиконституционными действиями президента. Именно его действия, попиравшие закон и право, превратили вполне маргинальных Баркашова и Макашова в реальную политическую силу, в реальную угрозу.

Я не хочу произносить патетических речей о нарушенной присяге на верность Конституции. На мой взгляд, Ельцин совершил более страшное предательство. Он надругался над самой идеей законности, конституционности, правового государства, в которую Россия только-только начала верить. На которой основывалось все перестроечное демократическое движение. Под знаменем которой победили в Августе. Ельцин предал тех людей, которые надеялись, что теперь-то в России для власти появилось слово «нельзя», появился какой-то барьер на грубую силу и кровь.

Часть V.

Переворот 1993 года и «форсированное строительство капитализма»

Переворот знаменовал наступление затяжной эпохи апатии

Каспаров.Ру, 07.04.2019

Борис Ельцин оказался достаточно бархатным Луи Бонапартом. После его «18 брюмера» не последовало ни массовых репрессий против его противников, ни ликвидации завоеванных в Перестройку демократических свобод. Власть была еще способна на примирительные жесты вроде амнистии. Еще была способна на предложения «перевернуть страницу и двигаться вперед».

Невероятно мягкие по нынешним меркам политические нравы начала 94-го года были наследием периода до октября 93-го. Еще одним завоеванием перестроечной революции. Но переворот изменил, переломил вектор развития. Кульминацией, высшей точкой перестроечной революции был Август 91-го. Затем последовал период неустойчивого равновесия сил между обществом, пытающимся стать гражданским, и обновившей себя в ходе революции номенклатурной элитой, быстро превращающейся в новый господствующий бюрократическо-олигархический класс и стремящейся закрепить свое господствующее положение. Октябрь 93-го знаменовал начало движения перестроечной революции по нисходящей. Означал поворот к реакции, поворот к авторитаризму.

Широкое лицо российское начальство восприняло переворот однозначно: теперь снова все можно. Другое его последствие — только-только нарождавшемуся, еще не окрепшему гражданскому обществу переломили хребет. Наглядно показали, что «повторить» оно больше ничего не может, а верховенство права над волей власти, в которое общество только-только начинало верить, — иллюзия и обман.

Переворот знаменовал наступление затяжной эпохи апатии. Нет смысла ни за что бороться. Нет смысла отстаивать свои права и интересы. Ведь «они» все равно сделают так, как захотят. «Они» показали, как они это делают. Общество с переломанным хребтом, глубоко расколотое событиями 93-го года, было неспособно противостоять реваншу бюрократии. Зато с ним можно было делать что угодно.

И наконец, результатом переворота была продавленная залпами башенных орудий Конституция, превратившая представительные органы в бессильный придаток исполнительной власти и окончательно развязавшая руки правящей верхушке. В России с ее самодержавно-бюрократической наследственностью баланс «ветвей власти» по-американски невозможен. Либо законодательная власть будет формировать исполнительную, либо исполнительная власть будет формировать законодательную под себя. Конституция 93-го года сдвинула баланс распределения власти настолько, что президент получил возможность почти всегда продавить утверждение своего правительства даже очень оппозиционной Думой. Этого оказалось достаточно, чтобы уже через десять лет Администрация президента начала формировать состав Думы, оппозиция из нее испарилась, а сама она стала «не местом для дискуссий».

Таким образом, в Конституции 93-го года был изначально заложен механизм постепенного уничтожения демократических свобод. Механизм, позволивший правящей бюрократии постепенно подмять под себя все. И это не было просто ошибкой ее вполне либеральных авторов. Они осознанно исходили из того, что российское общество в силу своей политической незрелости («тупое совковое быдло») добром не согласится терпеть болезненные издержки рыночных реформ. А потому надо максимально ограничить возможности представительных органов связывать руки исполнительной власти.

Как бюрократия воспользовалась полученной свободой, известно. Именно на период после 93-го года приходится пик вакханалии расхаживания госсобственности чиновниками и близкими к ним лицами. Конечно, было бы преувеличением считать депутатов Съезда и Верховного Совета истинными представителями «простого народа». Скорее, они представляли различные группы интересов, конкурировавшие за получение своей доли в разворачивающейся приватизации. Но если бы эта конкуренция сохранилась, столь наглый захват богатств страны околокремлевским кланом был бы невозможен. Бюрократия вынуждена была бы действовать с большей оглядкой и на конкурентов, и на закон, и на общество в целом. Приватизация прошла бы более демократично. Глядишь, и «простой народ» получил бы чуть больше. В конце концов, это и была бы та самая «конкуренция элит», в условиях которой, по словам либеральных теоретиков, по мере созревания недостаточно зрелого гражданского общества вызревает настоящая демократия.

Я не верю в возможность идеально честной и справедливой приватизации, при которой каждый получил бы теоретически причитающуюся ему долю национального

богатства. Кто-то неизбежно должен был свою долю потерять, а кто-то — ее подхватить. Но масштабы экспроприации новой олигархией «общенародной собственности» в свою пользу поражают. Любому школьнику понятно, что, когда в стране в условиях десятилетнего экономического спада стремительно возникают из ничего гигантские состояния, они формируются не путем создания новых нужных обществу ценностей, а путем присвоения ценностей, произведенных другими. Новые крупные собственники если и не воровали сами при попустительстве правительственных чиновников, то как минимум принимали от чиновников украденное ими.

Праволиберальные экономисты оправдывали это необходимостью скорейшего запуска капиталистического механизма в стране, в которой просто неоткуда было взяться людям, способным честно купить гигантов советской индустрии. Но, как любят говорить правые либералы, когда обосновывают необходимость сворачивания социальных программ, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Этой мышеловкой оказалась всеобщая круговая порука, повязавшая между собой бюрократию, бизнес и криминал. Молодой российский капитализм формировался как предельно олигархический, при дистрофичном и зависимом от «сильных мира сего» среднем классе. Но и новые финансовые магнаты висели на крючке у чиновников и силовиков. При такой системе определяющим залогом успеха становилось не наличие предпринимательских способностей, а близость к власти, умение организовывать не новое технологически продвинутое производство, а заказные убийства конкурентов и рейдерские захваты.

Кроме того, результаты приватизации в любой момент могли быть оспорены обществом. Проведенный раздел собственности был не только незаконным юридически, болезненным социально, но и оскорбительным для элементарного чувства справедливости. Поэтому и бюрократы, и олигархи были кровно заинтересованы в формировании такой системы власти, которая от желаний народа не зависит. В выстраивании авторитарной системы надолго. И в этом их с самого начала полностью поддерживала значительная часть либералов.

Понимая, что их вариант «быстрого запуска капитализма» может быть навязан стране лишь обманом либо силой, так называемые «молодые реформаторы» сделали ставку на бюрократию, а не на общество. Бюрократия ответила им взаимностью — поддержкой их «программы реформ». Даже при недостатке западного экономического образования классовое чутье верно подсказало ей, какие личные перспективы открывает ее представителям «приватизация по Чубайсу».

Бюрократы и «либералы» нашли друг друга. Вот и разгадка абсолютной непотопляемости «либеральных экономистов» во всех правительствах постсоветской России.

«Либеральные экономисты» не только поддержали переворот 93-го года, но и усиленно подталкивали Ельцина к нему. Внесли свою лепту в трагическую развязку и представители творческой интеллигенции. Поэты и художники не обязаны

разбираться в юридических тонкостях и политических хитросплетениях. Недостаток политического профессионализма компенсируется у них обостренной способностью сердцем чувствовать, где правда, а где ложь. Остается лишь сожалеть, что у многих замечательных людей родовая травма унижительной жизни под властью советской партноменклатуры и панический страх перед возвращением той жизни притупили эту способность.

Можно объяснить и понять многое. И эксцессы разъяренной толпы, которой объяснили, что она — отработанный человеческий материал, неспособный вписаться в прекрасный новый мир. И испуганный крик тех, кого «защитники Конституции» грозились перевешать как «жидомасонов» и «американских агентов». Защитите нас от этой Конституции! К черту такие законы! Я бы не стал бросать камни в тех, кто тогда просто испугался. Еще раз — это все можно понять. Труднее понять отсутствие рефлексии через 25 лет.

Часть VI. Их выбор

Не увидит в Путине смертельного врага самой идеи права мог только тот, кто не желал это увидеть

Каспаров.Ру, 08.04.2019

Авторитаризм — это в первую очередь система обеспечения несменяемости власти. Чтобы иметь возможность игнорировать интересы подвластного народа, стоящая у власти группа должна быть уверена, что ее никто не сменит. При мягких формах авторитаризма может формально допускаться оппозиция. Но она никогда не может победить. Ее не допустят к выборам или с них снимут, не дадут вести агитацию, нагонят на избирательные участки зависимых от власти бюджетников, в конце концов, просто перепишут протоколы. А Басманный суд всегда подсудит. А боящийся потерять высокооплачиваемое место на федеральном телеканале журналист всегда промолчит.

Форсированное («прорывное») строительство капитализма либеральными реформаторами 90-х породило систему, которая смертельно боится любой передвижки власти. Даже внутри новой «элиты». Собственность настолько завязана на власть, что любая передвижка власти угрожает новым большим переделом собственности. Недопущение любой ценой нового передела собственности стало навязчивой идеей российских либералов. Обосновывали они это тем, что капитализм не заработает в полную силу, пока в стране не укоренится представление о неприкосновенности частной собственности. А любой прецедент посягательства на сложившиеся отношения собственности будет отбрасывать страну назад в совок. Но дело было в том, что все осознавали: сложившаяся в 90-е годы крупная частная

собственность практически вся нелегитимна. И стоит хоть где-то допустить прецедент пересмотра итогов «большой приватизации», как новый всеобщий передел будет не остановить.

Разумеется, сводить мотивы «либералов» к личной корысти — популистское упрощение. Но, только стремясь во что бы то ни стало не допустить передела собственности, они неизбежно должны были сделать ставку на выстраивание системы власти, «защищенной» от сменяемости. На выстраивание той самой «управляемой демократии», «манипулятивной демократии», «имитационной демократии». И для этого «профессионалы» из спецслужб подходили как нельзя лучше. Действовал и другой фактор. В условиях форсированно построенного «силового» капитализма «силовики» неизбежно должны были стать важными игроками на рынке. Массовое проникновение «силовиков» во все структуры власти началось задолго до Путина.

Однако переворот 1993 года решал задачу перехода к «управляемой демократии» лишь частично. Он не освободил правящую группу от необходимости периодически пропускать своего лидера через процедуру «всенародного избрания». Кампания 1996 года показала: широкомасштабные манипуляции сознанием общества возможны. Однако разовые операции типа «голосуй сердцем» требовали слишком большого напряжения сил и не гарантировали отсутствие сбоев.

В 1999 году у правящей группы возникли большие трудности с престолонаследием. У нее не было внятного и популярного лидера. Причем сильного и самостоятельного лидера ельцинская «семья» по понятным причинам не хотела. Лидер должен был быть вылеплен «из ничего», причем в кратчайшие сроки.

Вот тогда и была развязана Вторая чеченская война. Как сейчас уже точно известно, решение о начале новой войны против Чеченской Республики Ичкерия было принято еще в марте 1999 года. Набег Басаева на Дагестан был чистой воды предлогом, с высокой долей вероятности срежиссированным самим Кремлем. Как и взрывы домов. В этих условиях уже идущий в неформальном ельцинском «Политбюро» кастинг на место преемника фактически сводился к вопросу о том, кто сможет повести новую войну с максимальной жестокостью.

Разочарованное в дискредитированных ельцинским правлением демократических идеалах российское общество неосознанно жаждало насилия. Демонстрация готовности к неограниченной жестокости была в этих условиях беспроблемной тактикой. Обворованному и униженному народу в качестве компенсации предложили возможность самоутвердиться, унижая другой народ. Предложили коллективную грезу об имперском реванше.

Отнюдь не освобождать братский чеченский народ от тирании новой военно-феодальной знати шла в 1999 г. в Чеченскую республику российская армия. Она шла покорять, приводить к покорности, унижать и насиловать. Совсем по Оруэллу: сокровенное в каждом человеке — увидеть сапог, попирающий лицо врага. На эксплуатации этого «сокровенного» и поднялся путинский режим.

Война была развязана для того, чтобы никому не известное политическое ничтожество, тряпичную куклу в одночасье надуть до размеров «национального лидера». Чтобы кучка олигархов-клептократов, все «засвеченные» политические представители которых к тому времени полностью обанкротились, под общий восторженный визг «Мочить в сортире!» ловким движением руки передала власть своему ставленнику, вынутому из рукава. Чтобы он, играя желваками, сказал в телевизор с металлом в голосе: **«Вопрос о статусе обсуждению не подлежит. Чечня — это Россия. Нужно подготовиться к болезненным вещам и не хныкать».**

Эта фраза запомнилась гораздо меньше пресловутого «мочить в сортире». А между тем в ней вся политическая программа нового правления. Подлинная, а не «обманная», маскируемая либеральной риторикой. Это внятно артикулированная декларация о готовности к неограниченному насилию, готовности переступить через любые права отдельных людей и целых народов. Через нормы элементарной гуманности. Не увидеть в Путине смертельного врага самой идеи права мог только тот, кто не желал это увидеть.

Но почти вся правая часть либерального лагеря передачу власти Путину группой ельцинских клептократов поддержала. Российская авиация утюжила Чеченскую республику, людей пытали в фильтропунктах, издевались над ними на блокпостах — и все это время Путина окружали вполне либеральные министры и советники. Либеральный бомонд был широко представлен в его предвыборном штабе.

Отказавшись от переговоров о статусе Чеченской республики, от мирного решения проблемы ее самоопределения, сделав ставку на силовое подавление любой ценой чеченского движения за независимость, Путин обрек на смерть десятки тысяч людей. Поэтому именно он — убийца мирных жителей Грозного, погибших под развалинами домов, разрушенных его бомбами и его снарядами. Убийца мирных жителей Новых Алдов, расстрелянных его карателями просто так, ради развлечения, когда бои в этом районе давно закончились и чеченские отряды отступили. Убийца беженцев, расстрелянных танками генерала Шаманова на Петропавловских высотах прямо в «гуманитарном коридоре». Убийца тех чеченцев, которых похитили загадочные «эскадроны смерти» на бронетранспортерах с залепленными грязью номерами и которых потом нашли со следами зверских пыток и в прямом смысле разобранными на части.

Российские правые либералы дружно поддержали военного преступника. Массового убийцу. Душегуба. Ради того, чтобы не допустить приход к власти группы Лужкова-Примакова. В общем-то, такой же олигархической, как и ельцинский клан. Но ведь мог начаться передел собственности!

Я знаю, что могут возразить все эти замечательные люди. Форсированное строительство капитализма, потребовавшее длительного периода жесткой несменяемости власти, было наименьшим злом. Именно в силу отсутствия зрелого гражданского общества. Именно потому, что частную собственность приходилось создавать с нуля. Любой другой вариант привел бы к куда более катастрофическим последствиям.

Исследование «альтернативной истории» — дело неблагодарное. Это всегда «абы да кабы». Произошло то, что произошло. Я лишь хочу привлечь внимание к тому, что произошедшее было результатом осознанного выбора и осознанных решений конкретных людей. И правые либералы сделали осознанный выбор в пользу авторитаризма. И взяли на душу кошмар чеченской войны.

Неформальный гуру правых либералов Анатолий Чубайс сказал, что «в Чечне возрождается российская армия». На самом деле там возродилось традиционное российское Государство-Молох, питающееся человеческой кровью. Это был какой-то пир вурдалаков. Чеченская война стала настоящим праздником освобождения Государства от каких-либо ограничений и приличий. Такое впечатление, что власть убивала, пытала, насиловала, разрушала, изгоняла с каким-то экстатическим восторгом. Теперь опять все можно!

Еще в Чеченской республике пробуждалось чудовище российского имперского реваншизма. И вправе ли те, кто фактически был соучастником этого процесса, теперь удивляться, что из мелкого компрадорского диктатора периферийной страны вырос монстр, угрожающий самим основам либеральной западной цивилизации, угрожающий миру глобальной ядерной войной?

Можно много рассуждать о том, чем классический фашизм XX века отличается от путинского постмодернистского гибридного фашизма. Но в Чеченскую республику путинский фашизм пришел в классическом обличье XX века. Чеченская война является концентрированным олицетворением самых кровавых злодеяний, совершенных путинским режимом, порожденных им произвола, насилия, жестокости. Путинский режим как из яйца вылутился из чеченской войны. И вошел в силу, напитавшись ее кровью.

Но и сегодня либеральная оппозиция предпочитает не вспоминать о чеченской войне. Свой список претензий к путинскому режиму она, как правило, начинает с войны грузинской. А лидер «умеренно-либеральной фронды» Ксения Собчак с тоской вспоминает ранний путинизм, который она называет «нормальной элитарной автократией». Когда путинская власть «вместе с элитами — экономической, интеллектуальной, творческой — противостояли дремучему и дикому народу». И «вся либеральная общественность, интеллигенция, все думающие люди 1990-х, перейдя в следующее десятилетие, автоматически стали элитой путинской эры».

Конечно, Ксения Анатольевна преувеличивает. Не вся либеральная общественность. Были и те, кто с самого начала против чеченской войны протестовал и вписываться в путинскую элиту не захотел. Не только среди левых либералов, но и среди правых. Но в отношении большинства правых либералов Собчак права. Предпочли как минимум закрыть на чеченскую войну глаза. Посчитали, что продолжение либеральных экономических реформ важнее. Ведь так чертовски хотелось еще поработать на их благо. И этот грех намертво повязал их с «белочекистами». Не потому ли их нынешняя оппозиция «белочекистскому» режиму столь бессильна?

НАБРОСКИ О НОВОМ АВТОРИТАРИЗМЕ

Часть I. После «конца истории»

В начале XXI века Россия вновь оказалась страной среднеразвитого капитализма

Каспаров.Ру, 09.03.2021

Слепая вера в абсолютный экономический детерминизм — расхожий упрек в адрес последователей учения Карла Маркса. Во всяком случае — тех из них, кто воспринял и истолковывает его учение упрощенно и догматично. Однако грешат этим отнюдь не только «вульгарные марксисты». В либеральной общественной мысли весьма распространено представление о том, что устойчивая демократия становится возможна лишь на определенном уровне благосостояния.

Чтобы помыслить о высоком и возжелать политических прав, люди должны сперва удовлетворить первичные потребности из «пирамиды Маслоу» — в пище, одежде и т.д. Чтобы интересоваться политикой и разбираться в ней, люди должны иметь некоторое количество времени, свободного от добывания самого необходимого для физического выживания, должны иметь определенный уровень культуры и образования. Чтобы изъявлять собственную политическую волю, люди должны обладать определенным уровнем материальной независимости.

Подобный взгляд довольно забавным образом отразился даже в школьных программах. Так, в учебнике по обществознанию Гуревича-Николаевой издания 2008 года утверждается буквально следующее:

«Ученые отмечают, что средний уровень ВВП на душу населения (среднедушевой) во всех странах в момент осуществления в них буржуазных революций был приблизительно одинаковым. Это относится к Англии середины XVII в., США и Франции второй половины XVIII в., Германии и Италии середины XIX в., к России и Мексике начала XX в. Колебания — в пределах 10%. Устойчивый демократический режим также возникает на соответствующем уровне социально-экономического развития, примерно вчетверо превышающем уровень, характерный для периода революций Нового времени».

Исторический оптимизм 90-х в значительной степени подпитывался все тем же экономическим детерминизмом. Мир накрывала «третья волна» модернизации. Все новые страны, еще недавно вполне аграрные и традиционалистские, через глобальную миросистему втягивались в постиндустриальный образ жизни. Наступала эпоха «экономики знаний», экономики «человеческого капитала». А вместе с ней поднимался «новый» (креативный) средний класс — творческий, динамичный,

пластичный. Казалось, уже никто не сможет принудить его смириться с ущемлением его прав и свобод. Авторитарно управлять обществом децентрализованных («сетевых») горизонтальных связей будет невозможно.

Общим местом стало утверждение, что в новых исторических условиях авторитаризм заведомо обречен на меньшую по сравнению с демократией эффективность в решении любых общественных проблем. А потому авторитарные режимы либо будут вынуждены «по-хорошему» трансформироваться в демократические, либо будут сметены восставшими массами, не желающими мириться с хронической отсталостью, убожеством жизни и отсутствием привлекательных перспектив. У либеральной демократии, основанной на верховенстве права и приоритете прав человека, не осталось ни вынужденных идеологических оппонентов, ни реальных конкурентов. Этот вывод в несколько заостренной форме и сформулировал известный западный мыслитель.

Сегодня об этом фукуямовском «конце истории» вспоминаешь не иначе как с горькой усмешкой. Авторитаризм не только устоял, отбил от волны антиавторитарных революций. Он фактически остановил распространение норм либеральной демократии на новые территории и даже пытается перейти в контрнаступление. И дело не только в том, что в ряде молодых и неокрепших демократий их первоначальные достижения оказались легко обратимы. Впервые после Второй мировой войны демократические принципы были поставлены под сомнение в странах «демократического ядра».

Насчет того, с какой стороны исходит главная угроза западной демократии — слева или справа, — мнения расходятся. Одни бьют тревогу по поводу наступления «тоталитарной политкорректности». Другие, напротив, опасаются роста ксенофобии, за которой маячит призрак возрождения фашизма. Третьи указывают на новые технологии информационных манипуляций. Возможно, все эти угрозы преувеличены. Но в любом случае то, что в бастионе западной демократии заметная часть общества усомнилась в честности выборов и судебных процедур, является зловещим сигналом. Отрицать серьезный общий кризис традиционной либеральной демократии (а вместе с ней и всей системы современного либерального капитализма) значило бы по-страусиному прятать голову в песок.

Борьба авторитарных и антиавторитарных тенденций происходит в любом обществе. Любая правящая элита всегда стремится к закреплению своего доминирования, к неограниченности и бесконтрольности своей власти. Но в любом обществе всегда есть социальные силы и отдельные люди, которые этому сопротивляются. Борьба свободы и несвободы вечна, ибо и то и другое заложено в человеческой природе.

Она идет с переменным успехом. Среди верящих в прогресс принято считать, что общая историческая тенденция развития мировой цивилизации направлена в сторону расширения свободы. Но это развитие отнюдь не является прямой линией. В нем много зигзагов.

90-е годы — время глобального постиндустриального перехода. Постиндустриальная экономика и социальная структура стали определяющими характеристиками новой глобальной миросистемы. В нее были втянуты многие страны, так и не успевшие завершить предыдущий — индустриальный переход. Страны с преимущественно аграрной экономикой и неперегнившими феодальными пережитками в социальных отношениях. Страны с традиционной военно-землевладельческой олигархией и беспросветной нищетой народных масс.

Именно в таких странах почти весь XX век буйным цветом цвели правоконсервативные диктатуры. Опираясь на них, традиционные элиты пытались сохранить свои привилегии и затормозить угрожавший этим привилегиям процесс индустриальной модернизации. Ну, или хотя бы обеспечить себе возможность вписаться в новый мир на максимально комфортных для себя условиях, переложив все «издержки» модернизационных процессов на социальные низы. Главной функцией правоконсервативных автократий было именно подавление социальных притязаний низов.

В конце XX века эти архаичные диктатуры почти исчезают с карты мира. Постиндустриальный образ жизни втягивал в модернизационные процессы самые традиционалистские элиты, заставлял их меняться либо быстро размывал. Между тем на бескрайних просторах «постсоветского пространства» начал быстро формироваться совершенно новый, неизвестный ранее тип авторитаризма. После короткого периода посттоталитарной демократизации к авторитаризму стало сползать общество, начавшее постиндустриальный переход, не будучи отягощенным «доиндустриальными» пережитками. Теми пережитками, которые служили питательной почвой классического правоконсервативного авторитаризма XX века.

Российской либеральной общественности всегда было свойственно сильно преувеличивать степень отставания России от развитых стран Запада. На рубеже XIX–XX веков Ленин, возражая тогдашним «очернителям», назвал Российскую империю среднеразвитой капиталистической страной. Да, развитие капитализма было деформировано большим количеством докапиталистических пережитков. Да, в стране имелись обширные лакуны чисто патриархального уклада. Но Россия отнюдь не была страной преобладающего натурального хозяйства и имела динамичный, быстро растущий индустриальный сектор с самыми передовыми по тем временам отраслями.

В Перестройку в образовательных программах получила распространение концепция «трех эшелонов развития капитализма». В странах «первого эшелона» капитализм зародился раньше всех и рос естественно и стихийно, как трава. Страны «второго эшелона» встали на капиталистические рельсы с опозданием, и «индустриальный переход» в них стремилось искусственно ускорить государство, как правило, достаточно авторитарное. Отсюда повышенная роль государства в экономике этих стран. Их еще стали называть «странами догоняющего развития».

Страны «третьего эшелона» — это наиболее отсталая, зависимая колониальная и полуколониальная периферия будущего «золотого миллиарда». Капитализм был занесен в них исключительно извне — колонизаторами. Именно эти страны в советскую эпоху стали называть «странами третьего мира» или «развивающимися странами» (вроде «коррекционного класса выравнивания» в школе).

Согласно этой концепции, Российская империя четко вписывалась во «второй эшелон догоняющего развития». Советская «прорывная» индустриальная модернизация ведь тоже была очередной попыткой «догнать». Она была уродлива и ужасна по своим социальным издержкам, но она состоялась.

Поздний СССР был развитым индустриальным обществом с преобладанием городского населения и городского образа жизни. С высоким уровнем горизонтальной и вертикальной мобильности, с легко проницаемыми социальными перегородками. С высоким уровнем образования и культуры. С рациональным типом сознания, ориентированного на самостоятельный выбор жизненной стратегии и личный успех.

Поздний СССР был не только высокомодернизированным, но и высоковестернизированным обществом. В «республиках» Средней Азии эта модернизация и вестернизация оказались достаточно поверхностными. Под ними сохранились кланово-клиентельные структуры, опиравшиеся на собственную неевропейскую культурно-историческую традицию. Но в составлявших стеновой хребет советской империи трех славянских «республиках» этой патриархально-традиционалистской архаики практически не осталось, их культура была чисто европейской.

Советское общество жило значительно беднее передовых стран, но голода не было с 40-х годов. И оно не знало ставших бичом мегаполисов Латинской Америки городских трущоб. Поздний СССР стоял на пороге перехода к постиндустриальному обществу. Этому переходу препятствовала косная сталинская экономическая модель. Но рыночные реформы рубежа 80–90-х годов устранили эти препятствия.

В начале XXI века Россия вновь оказалась страной среднеразвитого капитализма. Но на этот раз постиндустриального. То есть такого, в котором, согласно передовой западной науке, места авторитаризму уже не должно было быть. Откуда же он взялся?

Часть II. Посттоталитарная атомизация

*Общество быстро потеряло чувствительность
к аморальности и бесстыдству власти*

Каспаров.Ру, 10.03.2021

Формирование авторитарных режимов на большей части постсоветского пространства (включая РФ) обычно объясняют тяжелым наследием тоталитарной эпохи. Общим местом либеральной политической мысли является тезис о том, что жизнеспособная демократия может существовать лишь при рыночной экономике

и преобладании частной собственности. Нигде в мире частная собственность и рынок не были до такой степени выкорчеваны из общественной ткани, как в СССР. До их полного восстановления речи о реально работающем демократическом механизме быть не могло.

Другое объяснение, особо популярное у правой части либералов: восстановление рынка и частной собственности неразрывно связано с болезненными социальными издержками и требует «непопулярных мер». Большинство будет сопротивляться, цепляясь за государственный патернализм, к которому привыкло. Поэтому на переходный период объективно нужна власть, способная ломать общество через колено. Это и есть постсоветская разновидность концепции «авторитарной модернизации».

Однако «совковый народ», мечтающий вернуть царство Госплана и всеобщего дефицита, оказался мифом либерального сознания. Большинство общества настолько не хотело этого возвращения, что было готово не только терпеть болезненные издержки «переходного периода», но и мириться с явно несправедливыми отношениями собственности, сложившимися в результате. Политические группировки, звавшие назад в Госплан, пользовались ничтожным влиянием. Крупнейшая организация «советских традиционалистов» — КПРФ — в целом признала и рынок, и частную собственность. Ее программа требует лишь частичной корректировки сложившейся модели монополистического капитализма.

Историческим фактом является то, что в России самый болезненный период рыночных реформ приходится на период наивысшего расцвета либерально-демократических форм общественно-политической жизни. Да, совершенный Ельциным в 1993 году бонапартистский государственный переворот нанес молодой демократии тяжелую рану. «Залпами башенных орудий» была продавлена Конституция, содержащая в себе зародыш «президентского самодержавия». Но наружу этот уродец вылез только в эпоху Путина, когда восстановление рынка и частной собственности в целом уже совершилось и болезненный переходный период остался позади.

Возникший в результате рыночных реформ олигархат действительно очень боялся нового передела собственности. Но не столько в результате народного возмущения, сколько в результате внутриэлитных разборок. Таким переделом грозила любая возможная «передвижка власти», ведь на близость к людям из власти была изначально завязана и оставалась завязана вся собственность олигархов. Поэтому они активно поддерживали построение такой политической системы, которая сменяемость власти должна была исключить.

Но остается вопрос: почему общество не смогло добиться более демократической модели приватизации и практически не оказало сопротивления формированию авторитарного режима Путина, сложившуюся олигархическую систему закреплявшего? Конечно, к концу 90-х имело место массовое разочарование в либеральной

демократии тех, кто был страстно увлечен ею в Перестройку и возлагал на нее явно завышенные и преждевременные надежды.

Незрелая либеральная демократия дает достаточно поводов воспринимать ее лишь как форму соперничества олигархических групп, в котором рядовые граждане — не более чем манипулируемая подтанцовка. В низах может получить широкое распространение представление о том, что свободная политическая конкуренция нужна только элитам. Простому человеку от этой возни не только никакой пользы, но и лишняя головная боль: паны дерутся — у холопов чубы трещат. Лучше бы вся эта «борьба в элитах» нас вообще не касалась, не отвлекала бы от куда более насущных дел.

Для людей, настроенных подобным образом, ни политические свободы (слова, собраний, организаций), ни честные, конкурентные выборы, ни другие инструменты реализации права гражданина на участие в принятии политических решений не составляют ценности. Они легко обменяют их на самый скромный уровень социальных гарантий. А правовую защищенность (которая, как известно, такой же мираж, как и демократия) обменяют на благосклонность влиятельных лиц, оказываемую в обмен на лояльность.

«Олигархической вакханалии» свободной политической конкуренции такие люди предпочитают властного хозяина, который всю эту вольницу приструнит и выстроит элиты под себя. Выстраивая систему свободной от влияния со стороны общества «власти с развязанными руками», новорусская олигархия смогла опереться на антиолигархические настроения низов. И когда Путин стал постепенно, но последовательно душить живую политическую жизнь, даже те, кто не купился на дешевые сказки о борьбе с олигархами, испытывали злорадное удовлетворение.

Обида на то, что «нас обманули», не снимает вопроса о том, почему общество дало себя обмануть в 90-е годы. Почему после Перестройки общество выпустило инициативу из своих рук и позволило обновленным свежей кровью оргпреступности старым номенклатурным элитам провести воровскую «прихватизацию» и построить деформированный, бандитский, мафиозно-олигархический капитализм, породивший путинщину? И вот здесь необходимо вспомнить о явлении, получившем название «посттоталитарной атомизации».

Дело не только в недостатке навыков самоорганизации, самостоятельного коллективного действия, десятилетиями закатывавшихся в асфальт советским тоталитарным режимом. Дело не только в том, что годы «перехода к рынку» также не располагали к проявлению солидарности и гражданственности: каждый выживал как мог и каждый был сам за себя. Дело еще и в том, что навязывавшийся советским государством обществу искусственный, казенный, принудительный псевдоколлективизм вызвал болезненную реакцию отторжения любых форм коллективизма и солидарности.

Как только мертвая хватка государства ослабла, общество бросилось как бы в противоположную крайность — в активно культивировавшийся новыми элита-

ми агрессивный, воинствующий индивидуализм, переходящий в откровенно социал-дарвинистский эгоизм. Этот процесс бурно приветствовала и значительная часть либеральной «прогрессивной общественности», видя в нем освобождение личности от пут «совкового» патернализма. Однако этот «новый индивидуализм» оказался очень хорошо совместим с патерналистскими привычками.

Дело в том, что циничный прагматик, ориентированный исключительно на личное благополучие и личный успех любой ценой, оказался предельным конформистом, которого было очень легко загнать в стойло. Из шкурных соображений он всегда готов исполнять заведомо незаконные и аморальные указания вышестоящих и принуждать к такому исполнению нижестоящих. Расположение начальства для него важнее собственных убеждений, гражданских принципов, совести, элементарной честности, собственного достоинства.

Эти люди органично встроились в систему корпоративного принуждения к вертикальной лояльности, ставшую фундаментом путинской диктатуры. Именно эти тысячи «маленьких винтиков» и «мелких сошек» фальсифицируют выборы или отворачиваются, когда это делают другие. Именно они используют «административный ресурс» для политической поддержки власти и затыкают рот несогласным. Либералам свойственно связывать эту систему исключительно с «бюджетной сферой». Но в частном бизнесе она работает точно так же.

Постсоветский индивидуалист-приспособленец твердо знает, что сильный всегда прав. Что успешно, то и оправданно. И если ты сумел успешно подтасовать результаты выборов и закатать в асфальт протесты против этого — то и молодец. Настоящий легитимный лидер. Ты доказал свое право на власть. Нормально, когда власть мухлюет на выборах и в судах. Нормально, когда она затыкает рот своим оппонентам и расправляется с ними. Власть в своем праве.

Неприятие обществом аморальности и бесстыдства власти, отторжение государственного насилия и государственной лжи бурно пробудилось в Перестройку и стало ее важнейшей движущей силой. Этот порыв захлебнулся в посттоталитарной атомизации и постсоветском индивидуализме. Общество быстро потеряло чувствительность к аморальности и бесстыдству власти, что и открыло двери авторитаризму.

Но чтобы «новый авторитаризм» восторжествовал, нужна была все же еще и некоторая экономическая база. Та база, которая до сих пор заставляет многих наших сограждан воспринимать путинскую эпоху как эру покоя, благополучия и открывшихся возможностей, пришедших на смену великим потрясениям и безнадее голодных «лихих 90-х».

Бурный экономический рост и несомненный подъем общего благосостояния в России «нулевых» объяснялся не только высокими ценами на нефть. И даже не только реформами 90-х, которые, при всей их кривости, все же развязали руки частной инициативе. Именно в этот период российское общество окончательно

приобрело все основные черты общества постиндустриального. И технологически, и по уровню потребления оно продолжало сильно отставать от передовых стран Запада. Что неудивительно. Ведь постиндустриальный переход в России начался с запозданием на два-три десятилетия. Но как оказалось, постиндустриальное общество может позволить себе отставание.

Часть III. Трудности переходного возраста

*Постиндустриальный переход породил
целые социальные слои «проигравших»
и разочарованных в системе*

Каспаров.Ру, 11.03.2021

Даже отстающее постиндустриальное общество значительно смягчило, сгладило классические социальные конфликты эпохи индустриального модерна XIX–XX веков. Последнему лузеру, лишённому перспектив социального роста, не грозит голод и нищета в тех ее формах, в которых человечество знало нищету раньше. Перед ним не стоит проблема физического выживания. Ему хватает не только на хлеб, но и на зрелища. И это снижает его мотивацию к сопротивлению угнетению. Он может брюзжать на кухне по поводу того, что ему недоступен гаджет последнего поколения. Но поскольку гаджет предпоследнего поколения ему всё же доступен, на баррикады он не пойдёт.

Вот это и создает почву для существования достаточно устойчивых авторитарных режимов в среднеразвитых постиндустриальных обществах. Авторитарное управление может быть сколь угодно неэффективным и консервировать технологическую отсталость. Для постиндустриального общества это не критично. Сама включенность в глобальную постиндустриальную миросистему будет поддерживать его на плаву.

Современная Россия — недостаточно развитое, «слабое» постиндустриальное общество. А это значит, что его организм подвержен всем новым болезням постиндустриального общества. И протекать они могут в более острой форме, чем в наиболее развитых странах. Как это ни парадоксально, несмотря на свое стадийное отставание от западного мира, Россия может являть ему картину не только его прошлого, но и возможного будущего. Того будущего, которое может наступить, если западное общество своевременно не найдет лекарств от собственных новых болезней.

И если «посттоталитарная атомизация» — это специфическая проблема постсоветского пространства, то ослабление и разрушение общественных институтов, сдерживавших авторитарные тенденции в индустриальную эпоху, — это общая проблема нынешнего этапа мирового постиндустриального развития. «Посттоталитарная атомизация» лишь придаёт этой болезни особо острую форму.

Давайте вспомним, какую огромную роль в нахождении и поддержании баланса социальных интересов и сил, в выработке цивилизованных, мирных форм борьбы классов играло в эпоху индустриального модерна профсоюзное движение. Сегодня во всем постиндустриальном мире оно изрядно сдулось. Потеряла былое значение такая форма отстаивания своих прав и протеста, как забастовка. Все это связано с объективным изменением характера производства и форм его организации. Но неизбежное ближайшее последствие данного процесса — ослабление переговорных позиций работника и усиление его корпоративной зависимости.

Точно так же деградация такого общественного института, как политические партии, отнюдь не является чисто российским явлением, связанным с установлением режима «имитационно-манипулятивной демократии». В развитых западных странах кризис традиционных партийных систем, возможно, и не так бросается в глаза, но он есть и там.

Либеральная демократия индустриального модерна держалась в первую очередь на соперничестве больших высокоиерархизированных образований. Постиндустриальный переход подорвал привычные иерархии. Многих это пугает. Раньше было принято доверять авторитетам и следовать за ними. Сегодня каждый сам себе авторитет и считает, что может иметь собственное мнение по абсолютно любому вопросу. Но самое страшное — имеет возможность свое мнение достаточно широко распространять.

Григорий Явлинский с тревогой пишет о том, что в цифровом мире информационных технологий перестали работать профессиональные, организационные, финансовые фильтры, препятствовавшие прорыву на широкую политическую арену безответственных демагогов и авантюристов, да и просто случайных и некомпетентных людей. Раньше человек должен был делать долгую карьеру в партийном аппарате. Теперь достаточно что-то удачно опубликовать в интернете.

Вздохи по необратимо разрушающимся, в силу объективных причин, старым формам организации общественной жизни вряд ли продуктивны. Информационная революция открывает путь к новому этапу ее демократизации, к новому этапу «революции масс». Информационная революция открывает возможность обретения субъектности теми, кто ранее ею не обладал. Но надо понимать и другое.

Технологический прогресс может опережать способности людей пользоваться его достижениями. И на каком-то этапе элиты могут учиться информационным манипуляциям быстрее, чем массы учатся пользоваться плодами информационной революции.

Несколько слов необходимо сказать еще об одном важном общественном институте поддержания демократии. Свобода мысли и ее выражения в эпоху индустриального модерна во многом обеспечивалась наличием нескольких соперничавших друг с другом «больших идеологий». С одной стороны, политические идеологии выступали как рациональная альтернатива архаическому религиозному сознанию.

С другой стороны, они сами были как бы «гражданскими религиями». Через них люди определяли свое отношение к надличностным ценностям. Каждая «большая идеология» имела свой в значительной степени мифологизированный, утопический идеал, бывший не столько предметом рационального анализа, сколько веры.

На постиндустриальном переходе западные интеллектуалы провозгласили начало эры «конца идеологий». Люди стали настолько развиты, образованны, рациональны, что теперь могут обходиться без идеологических подпорок, во многом сомнительных, иллюзорных, дискредитированных ошибками прошлого. Все возникающие общественные проблемы можно решать чисто прагматически. Социальные бури миновали, различия программ основных политических течений сгладлись. Настало время всеобщего консенсуса.

Злая тетка История вновь наказала человечество за гордыню. На лозунге «мы больше не верим в миражи» возросла культура постмодернизма, поставившая под сомнение само понятие истины. Все истины в равной степени ложны, поэтому все истины в равной степени приемлемы. Старое доброе «всё дозволено». Прямое порождение этой культуры — «эпоха постправды и фейк-ньюс».

Возникший вакуум ценностей стал быстро заполняться поднявшим голову религиозным мракобесием. И это характерно как для постсоветского пространства, так и для Запада. Расцветающие на обломках советской империи циничный прагматизм, приспособленчество, оправдание любых средств борьбы за доминирование можно списать на «посттоталитарную атомизацию» и травму «периода перехода к рынку». Но эрозия и девальвация идеалов (в первую очередь демократических идеалов) — это общая проблема всего постиндустриального мира. Во всяком случае — раннего, то есть сегодняшнего.

В наиболее развитых странах это проявляется в культивировании стремления избежать любого дискомфорта (тенденция к превращению в «общество всеобщей анестезии»). Это ведет к снижению способности терпеть боль, идти на жертвы ради защиты принципов, «держат удар». Это проявляется также в деградации западных политических элит, все более откатывающихся к RealPolitic прошлого, неспособных даже оценить масштаб угрозы, исходящей от «нового авторитаризма» и становящихся легкой добычей его коррупционной экспансии.

Демократические институты на Западе имеют очень большой запас прочности. Это и отлаженная система сдержек и противовесов. Это и культура доверия, основанного на ответственности за добровольно взятые на себя обязательства. Без этой культуры система сдержек и противовесов не была бы эффективной. Но этот запас прочности тоже не безграничен.

Могут ли новые постиндустриальные формы сетевой организации уже сейчас заменить слабеющие старые макро механизмы поддержания демократии индустриальной эпохи? В развитых странах Запада ситуация не выглядит критической. Но опыт борьбы за демократию в тех странах, где общество сталкивается с настоящим

«злым авторитаризмом», показывает: новые «сетевые» протестные движения пока неспособны стать гарантом устойчивого демократического развития. Даже в тех странах, в которых таким движениям удалось свергнуть недостаточно заматеревший авторитарный режим, они не смогли надежно заблокировать тенденции к новому сползанию в ту же авторитарную яму.

Возможно, они еще наберут силу и покажут ее. Но на нынешнем этапе либеральная демократия оказывается достаточно уязвимой. Положение усугубляется тем, что постиндустриальный переход породил целые социальные слои «проигравших» и разочарованных в системе. Они подвержены откровенно антимодернизационным и антидемократическим настроениям. И именно на этом этапе уязвимости у западной либеральной демократии появился внешний враг, прямо ставящий целью «сбросить ее с корабля современности».

Сто лет назад «догоняющая» Россия показала передовому миру, что может случиться с ним самим, если он не «возьмется за ум». Тогда Западная цивилизация нашла ответ на этот вызов. Не сразу и очень дорогой ценой, но нашла. Сегодня история, похоже, повторяется.

Часть IV. Постиндустриальная архаика

*«Новый авторитаризм» Путина —
это глобальный вызов современной цивилизации*

Каспаров.Ру, 12.03.2021

Среди российских либералов все еще широко распространены представления о путинском режиме как о некоем «остаточном авторитаризме», обусловленном незрелостью предпосылок демократии в силу тяжелого наследия тоталитаризма: длительного отсутствия частной собственности и рынка, отсутствия гражданского общества, которое тоже не может существовать без частной собственности и рынка. На этих оценках основываются сохраняющиеся надежды на эволюцию путинского режима в направлении «нормальной» либеральной демократии по мере созревания предпосылок для нее в результате экономического прогресса. Эволюции по инициативе новых правящих элит. От них продолжают ждать «поворота к здравому смыслу», «начала диалога с обществом», «перехода к поиску компромиссов».

Эти представления глубоко ошибочны. Равно как и основанные на них надежды. Наследие тоталитарной эпохи не делало сползание к авторитаризму неизбежным. Болгария и Румыния имели точно такое же наследие. Они не были более индустриально развиты, чем СССР. Да и с дототалитарными демократическими традициями у этих стран европейской периферии было не лучше, чем у России. Тем не менее после антитоталитарных революций конца 80-х к авторитаризму они не сползли.

Путинская система создана не старыми доиндустриальными элитами, исторически обреченными и уходящими. Она создана новыми элитами постиндустриального общества. Она возникла на базе постиндустриального общества из заложенных в нем противоречий. Путинская система является разновидностью «авторитарного капитализма», который оказался способен вполне успешно конкурировать с капитализмом либеральным на нынешнем этапе постиндустриального развития.

Новый постиндустриальный авторитаризм — это бунт против уже состоявшейся модернизации. В значительной мере он опирается на антимодернизационные настроения тех слоев, которые добились достаточно высокого статуса в индустриальную эпоху, но проиграли в ходе постиндустриального перехода. Однако дело далеко не только в этом. Весьма популярное среди либералов понятие модернизации отнюдь не сводится к технологическому прогрессу и росту эффективности экономики.

Суть процесса модернизации в эмансипации личности, в освобождении ее от диктата государства, общества, малых групп. В расширении личного пространства, в котором никто не может человеку что-либо запрещать или предписывать. Права человека — это запрет на насилие одних людей над другими. Процесс модернизации неразрывно связан с глобальной тенденцией к понижению уровня насилия и жестокости в обществе. С расширением ограничений на то, что одни люди могут делать с другими людьми.

Приверженцы «нового авторитаризма» считают, что этих ограничений стало слишком много. Именно их они считают насилием. Насилием над человеческим естеством. В своем крестовом походе против «религии прав человека» они поднимают свое знамя «свободы». Свободы от ограничений на насилие и жестокость. Свободы от ограничений борьбы за доминирование. Они апеллируют к первобытным инстинктам. К архаике.

Любой авторитаризм — это архаика. Авторитаризм и есть архаика. Власть, не связанная правовыми и моральными ограничениями на насилие, — это архаика. Власть, являющаяся не сменяемым наемным менеджером общества, а его несменяемым хозяином — это архаика. Власть, ставящая себя выше общества — это архаика. Власть, основанная на почитании лидера, с исключительными личными качествами которого связывают все достижения и блага, — это архаика. Дремухая первобытная архаика. Новый авторитаризм стремится воплотить в жизнь антиутопию из фантастических романов и фильмов: высокотехнологическое общество, построенное на глубоко архаичных социальных отношениях.

Классический фашизм с его мечтой о «Новом Средневековье» был попыткой вернуть архаику неограниченного доминирования в общество, уже прошедшее индустриальную модернизацию. Практика показала, что вернуть средневековую архаику в общество, прошедшее буржуазную модернизацию, можно только путем тотального насилия и с помощью тоталитарного государства. Чтобы втащить арха-

ику в постиндустриальное общество, тоже обязательно потребуется тоталитарное государство.

Путинский режим не будет двигаться в направлении изживания авторитарных черт по мере общественного прогресса. Он может двигаться только в направлении нарастания откровенно тоталитарных черт. И уже двигается.

Многие говорят, что за невероятной запретительно-репрессивной законотворческой активностью нашей «элиты» стоит исключительно желание выслужиться. Но как только ситуация перевернется, эти же люди с таким же рвением бросятся все это отменять. Никаких собственных принципов и убеждений у них нет. Не могу с этим согласиться. Чтобы проявлять такую поистине креативную изобретательность в выдумывании все новых запретов и кар, уничтожающих свободу выражения гражданами своего мнения и своей политической воли, надо эту свободу ненавидеть глубоко и искренне.

Дорвавшийся до власти в России «Бандитский Петербург» во главе с Путиным встал в авангарде борьбы новых элит за освобождение от какой бы то ни было ответственности, как перед собственными народами, так и перед мировым сообществом. Он выдвинул целостную и последовательную программу переустройства мирового порядка, основанного на признании верховенства права и приоритета прав человека. Она сочетала защиту суверенного права любого тирана подтасовывать итоги выборов, бросать в тюрьмы своих оппонентов и стрелять в протестующий против этого народ с утверждением права великой державы перекраивать границы, расчленять своих соседей и включать их в зону своего имперского диктата.

Эту программу путинский Кремль подкрепил правом вето в Совбезе ООН и ядерным шантажом. Используя слабости своих противников, он достиг многого. Он практически парализовал и превратил в бессильное посмешище главные международные институты. Он сплотил вокруг себя новый интернационал несменяемых диктаторов-изгоев, выживающих в современном мире в первую очередь за счет кремлевской поддержки. Ему удалось обратить вспять многие позитивные процессы 90-х.

В 90-е годы границы допустимого государствами насилия по отношению к своим гражданам очевидно сжимались. Даже режимы, остававшиеся вполне авторитарными, вынуждены были подлаживаться под веяния времени и хотя бы имитировать классические демократические институты — разделение властей, выборы, многопартийность. Создавать хотя бы видимость соблюдения норм права и законности. Снижать массовость и жестокость репрессий. Нарушители новых границ допустимости сталкивались с жестким международным воздействием, вплоть до силового.

Сегодня режим Путина последовательно сдвигает границы допустимого политического насилия назад — в архаику. Не только в России, но и во всех тех странах, режимы которых Путин «крышует». И если сегодня вновь стала возможна стрельба

по мирным демонстрантам в Мьянме, это тоже заслуга международной политики Путина.

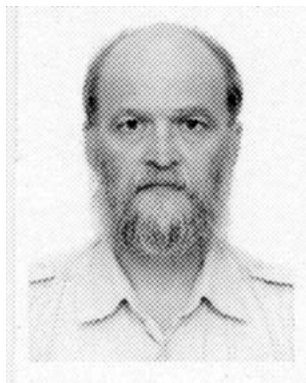
Повторю мысль, которую я высказывал уже много раз: ресурсное и технологическое превосходство не гарантирует западной демократии автоматическую победу над бросившим ей вызов «новым авторитаризмом» Путина. Ее руки в значительной степени связывает тоталитарный Континентальный Китай, который ведет собственную политику «тихого завоевания Запада изнутри», но более осторожно и скрытно. Фактически путинская РФ является его передовым авангардом, тараном, разрушающим систему международных сдержек. То, что плодами этой разрушительной работы будет пользоваться не она сама, — слабое утешение для сторонников свободы.

«Новый авторитаризм» Путина — это глобальный вызов современной цивилизации. И очень опасный вызов. Сам он не рассосется. Борьба с ним потребует усилий, мобилизации, жертв. И от внешнего мира, и внутри России. России необходимо движение Сопrotивления диктатуре, которое будет готовить условия для ее свержения. Которое будет четко осознавать эту свою задачу. Которое будет осознавать себя частью мирового Сопrotивления авторитаризму и архаике. Которое будет иметь образ будущего не только для России, но и для мира.

Это движение должно основываться на непримиримости к унижению человеческого достоинства, лжи и насилию. На нетерпимости к приспособленцам и пособникам тирании. На ценностях солидарности и защиты угнетенных. Оно должно решительно отвергнуть архаический «суверенитет людоедов» и однозначно выступить за верховенство наднациональных институтов. Оно должно признать, что та пока еще гибридная война, которую путинская РФ ведет против Запада, несправедлива со стороны путинской РФ и справедлива со стороны Запада.

Российское движение Сопrotивления должно встать на сторону Запада в этой войне. Должно выступить за поражение своего правительства. Должно выступить за возвращение России к своим европейским корням и совместное противостояние евроатлантической цивилизации тоталитарному гиганту на Востоке. Должно отвергнуть российский имперский реваншизм и имперское построение российского государства.

Антизападничество и имперское сознание — наиглавнейшая «скрепа», позволяющая путинской диктатуре удерживать хотя бы относительную лояльность хотя бы относительного большинства. Не позволяющая движению протеста против диктатуры стать по-настоящему всенародным, как в Беларуси. И дающая возможность таким диктаторам, как Лукашенко, удерживать власть, несмотря на всенародное движение протеста. Поэтому нет задачи для российской оппозиции более насущной, чем слом этой «скрепы». Чем подрыв и разрушение имперской идеологии Кремля.

Скобов Александр Валерьевич

Родился в Ленинграде в 1957 г. После окончания школы учился на историческом факультете ЛГУ. Дважды (в 1978 и в 1982 гг.) арестовывался по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация) за участие в изготовлении и распространении самиздата. В Перестройку участвовал в деятельности Демократического союза, за что в 1988 г. подвергся обыску по так называемому «делу № 64» — последнему делу по ст. 70 в истории СССР, закрытому в 1989 г. в связи с отменой Съездом народных депутатов этой статьи УК. В 1991–2015 гг. преподавал историю в ряде гимназий Санкт-Петербурга. Автор нескольких учебных пособий по истории России. С начала чеченских войн — активный участник антивоенного движения, автор многих антивоенных обращений и статей. Состоял в партии «Яблоко» и движении «Солидарность».

В настоящее время не участвует в деятельности каких-либо партий и движений. Взгляды свои всегда определял как леворадикальные. Публикуется в интернет-изданиях Грани.Ру и Каспаров.Ру.